

Л. 23 самыми грознейшими //клятвами всех истинных последователей древнему святоцерковному благочестию.

Верно ли они выдавали себя представителями всей Восточной Церкви или нет? Бог о сем ведает, но как против блазнительного их нововводства и несправедливой клятвы никто не опротестовал их в Восточной Церкви, то посему и осталось для всякого непризнавшего нововводства их справедливыми и клятв законными вполне достаточно данное признавать и всю Восточную Церковь падшею, подобно тому как и писатель книги О вере только на основании посланий Мелетия патриарха признавал всецелость веры во всей Восточной Церкви.

Л. 24 Но что в древности и греки моли//лись двуперстно, об этом свидетельствует их греческая Кормчая, именуемая по их Пидалион, во 2-м примечании к толкованию 91 правила Василия Великого. А как и в какие именно годы там каждая частная церковь сие изменяла на троеперстие, сие Бог весть, а нам неизвестно, да и во исследование входить почитается излишним да и бесполезным при объясненном здесь данном показании падения от истинного святоцерковного благочестия вообще Восточной Церкви.

Сказание,
како поставлен во епископа
Вторым Антоний, именуемый Гуслицкий,
и почему он отделился
от Московского архиепископа Антония
и Белокриницкого митрополита Афанасия
(1876, 1880)

Вследствие изданного Московским духовным советом в 1862 г. Окружного послания, которым хотя и признавались важные и богословные вины за церковию Грекороссийскою, чрез которые невозможно признать последователей оной за истинно православных христиан, но во отстранение беспоповского заблуждения опровергались многие подложные выписки, утверждавшие, что Грекороссийская церковь верует во иного Бога, что исповедуемое ею имя Христа Спасителя «Иисус» есть имя последнего антихриста, сына погибели и проч. К великому прискорбию, некоторые и из приемлющих священство старообрядцев оказались зараженными упомянутым лжеучением беспоповцев, которые, увидев себя от своих архипастырей избличенными, не восхотели со смирением исправиться в рассуждении оного неправого мудрования, но, надмившись гордостью, решились, по примеру упорства прежде бывших еретиков, отстаивать оное. Они, воздвигнув крамолу против издателей Окружного послания, начали сперва требовать того, чтобы не обязывали их изменять усвоенное ими убеждение, в чем хотя и получили снисхождение (ибо Окружное послание по их настоянию еще в феврале 1863 года Белокриницким митрополитом Кириллом и самими издателями оного от всеобщего руководства христиан было уничтожено), но, к великому удивлению, они этим не успокоились, а только еще более начали кичиться, яко победители, и всячески укорять и облыгать как самих издателей Окружного послания, так и всех благоговейных христиан, которые не отрицались с клятвою тех понятий, какие изложены были в Окружном послании. Но как сие сверхмерно притязательное их учение ничем не ограждалось со стороны Священного Писания, а паче только как оному, так и собственному нашему христианскому положению во многом противоречило, то в июне 1863 года всеми благочестивыми российскими епископами святой Церкви соборне избличилось в своей несостоя-

тельности и оставилось без всякого уважения. Они же, беспокойные, видя, что учение их изблечено, остались недовольны всеми сими российскими благочестивыми епископами и вознамерились еще вновь избрать себе другого епископа, который бы во всем был им бессловесным потаковщиком и мог бы вполне соответствовать сей цели их. Но таковых людей искать нетрудно, а потому они в скором времени нашли и человека ко оправданию своего предприятия, в гуслицкой местности, из деревни Иванишево, бывшего еще в мирском звании некоего Афанасия. Сему Афанасию они приказали принять иноческое пострижение от священноинока Серапиона, который, без благословения своего епископа отлучившись из монастыря, куда он был поставлен, самовольно пребывал в гуслицких пределах, за что от священного всероссийского Собора 1863 года и подвергся запрещению от священнодействия. От сего-то Серапиона Афанасий и постригся во иноки с переименованием имени Антония, которому евангельским отцом был благоговейный инок-схимник Макарий, совершенно не предвидящий лукавой цели постригающегося. Если бы Макарий узнал оную, то по своему благоговейству и отцом быть сему Антонию никак бы не соизволил. Новопостриженный инок Антоний, желая как можно скорее осуществить план свой, вознамерился обманом уйти от евангельского своего отца, несмотря на то, что, по уставу иноческого жития, он должен быть всегда у него в послушании. Под видом какой-то необходимой надобности он начал просить его о дозволении побывать ему на родине. И как только испросил себе позволение на два дня отлучки, он ушел и уже навсегда скрылся от него, ибо по руководству тех лиц, которые приказали ему принять иноческое пострижение, он отправился в Москву и потом за границу, в Белокриницкую митрополию. В митрополии же путеводители его сперва отыскивали имевшего тогда большое влияние на митрополита Кирилла некоего белокриницкого жителя Акинфа Васильева, подкупили его за две тысячи рублей серебром ходатайствовать пред митрополитом, чтобы он представленного инока Антония хиротонисал в Московского епископа.

Но как на Московский святительский престол еще прежде сего был соборно возведен Антоний, архиепископ Владимирский, при подтверждении возведения сего и самим митрополитом Кириллом, то зная, что другого епископа во един и той же град по правилам поставить невозможно, да к тому же боялись еще того, как бы по определению священных правил митрополит не стал спрашивать совета на просимое ими поставление от прочих епископов, о коих они хорошо знали, что никто не даст согласия на желаемое ими постановление, поэтому прежде всего они оклеветали пред митрополитом Кириллом архиепископа Антония и прочих пребывающих с ним во единстве мира церковного всех благочестивых архиепископов и епископов, аки бы они тайным образом присоединились к Великороссийской церкви, с которыми уже и сношение иметь ему, митрополиту, будто бы не только бесполезно,

но даже вредно и опасно; аки бы чрез сие может воспоследовать вскоре разорение и запустение даже и самой Белокриницкой митрополии. И все это потому более им удалось обстановить вероятностию, что в то самое время, когда они об этом просили митрополита, тогда, то есть 1864 года, и действительно отступили от единства святоцерковного бывший Коломенский епископ Пафнутий, епископ Онуфрий и митропольский иеродиакон Филарет, о чем он имел уже неподлежащие сомнению доказательства. Притом, сумев суммою денег в две тысячи руб[лей] сер[ебром] отягчить руки самого митрополита, и сим, наконец, убедили его без всякого спросу прочих епископов прелюбодейно поставить на занятый Московский святительский престол во епископа вышесказанного инока Антония. И вот таким образом противники Окружного послания, бывшие руководители Второго Антония, добились того, чего восхотели. Но только в поставлении сего епископа, которое показано здесь по самой сущей справедливости, примечаются следующие несправедливости и беззакония.

1. Сей Второй Антоний неправильно принял иноческое пострижение от запрещенного священноинока.

2. Он непростительно прегрешил, что обманно без благословения убежал из обители евангельского отца своего, за что по 4-му правилу Первовторого Собора и с приемлющим его подлежит отлучению (церковного общения), а по 108 правилу Номоканона уподобляется Иуде предателю, отлучившемуся Христа и учеников его.

3. Он противозаконно мирскими людьми избран во епископа. Ибо таковое избрание нетвердо по 3-му правилу Седмого Вселенского Собора и неизбранно по 13 правилу Собора Лаодикийского, и поставившиеся по таковому избранию, по 1 правилу святых апостол, подвергаются извержению и отлучению.

4. Он чрез деньги получил себе хиротонию, но тако поставившиеся, хотя бы и достойны были сана того, однако же несмотря на то, извергаются по определению священных правил: святых апостол 29, Четвертого Вселенского Собора 22, Седмого Вселенского Собора 5 и 19, Василия Великого 89; и в особенности еще весьма грозно предсуждаются посланиями Геннадия и Тарасия, патриархов Константинопольских, яже в Кормчей на листах с 275 по 292. Впрочем, когда руководители Второго Антония обличаются в святотатственной симонии, то хотя они сие черное пятно и прикрывают тем, акибы не за поставление даны были деньги митрополиту, но в милостыню, за какое-то поминовение, но если это и может быть изветом какового-либо оправдания, то не давшим, а разве только приявшему, который, от простоты своей не понявши тонкой лести дающих, украден был на исполнение воли их.

5. Он поставился во епископа Московского, тогда как в сем граде был уже соборно определенный благочестивый архиепископ. Но 8-е правило Первого Вселенского Собора решительно возбраняет быти двема епископом во едином граде, а 16 правило Первовторого Со-

бора уже окончательно сего не допускает, сие определяя: *«Ни по которому же образу да не взыдет кто на епископию, еяже епископ жив есть: подобает вину изыскати, его же хотят изгнати, и по извержении его другого поставити»*; которые же поставляются вопреки сего определения, тех именует церковными прелюбодеями.

Следовательно, Второй Антоний вошел не дверьми, в священных правилах изображенными, а пролез дырою явного для всех беззакония. Но услышим, что о сиевых пастырях божественный глас вещает: *«Аминь, аминь, глаголю вам: не входяй дверьми во двор овчий, но прелезя инуде, той тать есть и разбойник»*. (Иоанн, зач. 35). А чтобы и по простоте кому не последовать таковым недобрым пастырям, то Христос предостерегает, тако глаголя: *«Внемлите от лживых пророк, иже приходят во одеждах овчих, внутрь же суть волцы и хищницы, от плод их познаете их, еда объемлют от терния грозды или от рения смоквы; тако всяко древо доброе плоды добры творит, а злое древо плоды злы творит, не может древо добро плоды злы творити... Темже убо от плод их познаете их»* (Матф., зач. 22).

Плоды же Второго Антония суть следующие: когда он получал святотатски именование епископа, то в тоже время чрез лукавство и клеветы своих путеводителей исходатайствовал грамоту от митрополита Кирилла, чтобы не сообщаться с архиепископом Антонием и со всеми последователями оному.

Прибывши в Москву, сперва он принял к своему общению послушных священников, за правильные вины запрещенных от архиепископа Антония и Московского духовного совета: Василия Иванова, Петра Родионова, Павла Киприанова; и даже изверженных от всероссийского Освященного Собора Никона Иванова и Георгия Масляева, и всем приходящим к нему начал завещавать, чтобы с архиепископом Антонием и прочими всеми, иже пребывают с ним в общении, не соединяться ни в молении, ни в ядении, ни в питии, ни в дружбе, но удалиться от них, как от сущих еретиков. Московский духовный совет, услышавши таковое прискорбное явление, вопрошал митрополита Кирилла, чтобы это значило? Вопрос этот привел было к сознанию своей ошибки митрополита, почему он для надлежащей поправки дела сего в том же 1864 г. послал в Москву благоговейного священника Илью; но Второй Антоний, боясь надлежащего потязания за учиненный обман митрополиту, начал укрываться от свидания с оным послом митрополита, так что он, искавши его, провел время не менее седми месяцев и, наконец, возвратился к пославшему его без всякого успеха. Сожалея о сем, митрополит, и желая дело испорченное исправить, просил Московский духовный совет составить в Москве Освященный Собор, на который прислал своих уполномоченных, тисского архимандрита Евфросина и белокриничского инок Алимпия, и Второму Антонию двумя предписаниями вменал в неотменную обязанность явиться на Собор и примириться с прочими благочестивыми епископами.

По просьбе митрополита Собор составлен был 1865 году, но Второй Антоний на оный не явился и на все многократные ему соборные приглашения и письменное предложение он, как рыба безгласная, не ответил Собору ни единого слова, чего тщетно от него ожидал Освященный Собор около полугода. Конечно, Второй Антоний за такое свое послушание и тогда не избежал бы соборного суда, какой следует ему по священным правилам, но путеводители оного вознамерились воспрепятствовать оному и, пользуясь долготерпеливым ожиданием Собора ответов от епископа их, Второго Антония, сумели между тем снова оклеветать митрополиту Кириллу весь по его просьбе и благословению собравшийся Освященный Собор, аки бы большею медленностию своею он строит что-то вредное для святоцерковного благосостояния, чему паки ят веру слабохарактерный митрополит Кирилл, вдруг отозвал с Собора своих уполномоченных с неприятным замечанием и для остальных членов оного. А потом Освященный Собор, оставив дело Второго Антония, обратился к должному рассуждению с митрополитом, кем именно нарушаются священные правила, Собором ли или самим митрополитом? И, описав в подробности всю сущность происходящего дела, послал Собор от себя уполномоченных к заграничным благочестивым епископам, прося их сделать законное оправдание пред митрополитом и потязать его за нарушение священных правил. Заграничные епископы, с полною братскою любовью приняв сие предложение, составили у себя в городе Баташанах Освященный Собор, на который вызвали и самого митрополита Кирилла.

Но, к прискорбному воспоминанию, и здесь следившие за ходом дела подкупные агенты со стороны путеводителей Второго Антония смутили надлежащее соборное рассмотрение, запугав митрополита, что будто бы чрез мирное присутствие его на сем Соборе он подвергнут будет извержению от сана, и, прервав должные соборные заседания безобразным гвалтом, они привели митрополита еще к более противозаконным действиям, так как он наконец тогда единолично издал запрещение на весь Освященный Собор. На сие его незаконное действие законным порядком возразил ему тогда Освященный Собор. Таким образом действий чрез лукавые проделки сторонников Второго Антония и закончился оный Освященный Собор, начатый по просьбе митрополита Кирилла на исправление дела относительно Второго Антония.

После сего почти все епископы, сожалея о таковом увлечении в заблуждение митрополита Кирилла, призывали его к должному себя исправлению, чем было и паки чувство его пробудилось худо сделанное исправить должным порядком. Для сего он в 1868 г. созвал к себе в митрополию Собор, на котором присутствовали уполномоченные лица и от Второго Антония. Но, — о святая истина! — тебя и паки здесь на время могло затмить богатое дароприношение митрополиту от послов Второго Антония. Ибо на сем Соборе ко обсуждению вопрос был поставлен не о том, законно ли поставлен Второй Антоний и на

каком основании, не явившись на Собор, он разделяется с Московским духовным советом, но о том, дабы с клятвою уничтожить понятие Окружного послания. И это послы Второго Антония делали с таковым лукавством, чтобы отстранить соборный взгляд на незаконное поставление Второго Антония и, напротив сего, самим быть судьями над издателями Окружного послания и защитить опровергнутое оным посланием беспоповское лжеучение. Сию лукавую цель их едва ли вполне предвидел тогда и сам митрополит; но предположительно, что от простоты без всякого предусмотрения он был увлекаем, как это из его самосознания ниже увидим.

На предложение послов Второго Антония с клятвою уничтожить Окружное послание, кроме митрополита Кирилла, согласившегося с ними легкомысленно, остальные члены Собора решительно все были несогласны, но возбудители оного настаивали на своем без всякой уступки.

Почему и продолжалось тогда о сем препирательство namного дней и, наконец, кончилось было тем, что правдолюбивые члены Собора, не заключа никакого союза со ожесточенными своими противниками, вынуждены были разъезжаться по своим местам. Послы же Второго Антония, выждав отъезду сих членов Собора, хотели было и еще титул митрополита употребить на величайшее зло. Они написали от имени его всем священным лицам, бывшим на сем Соборе, одним — запрещения, а другим даже и извержения. Но пока еще сие было незакончено, привелось по особенному случаю паки возвратиться в митрополию Аркадию, епископу Славскому, который, увидев, что между всех епископов и митрополита послами Второго Антония становится вал векового разделения и, сжалився о сем вельми, начал было всевозможными убеждениями просить их на примирение, но, увидев их никак на сие непреклонными, сочел быти меньшим и легчайшим злом для исправления уступить на время их безумию, нежели навсегда разрывать союз мира с своим митрополитом. Посему, возвратив своих собратий, бывших с ним на Соборе, исключая токмо послов Московского духовного совета, которых возвратить было уже невозможно, он убедил их подписать предложенный послами Второго Антония акт, уже несмотря на то, что он с клятвою уничтожал Окружное послание и другие постановления имел неправильными. Таким образом, послы Второго Антония, домогшись получить сие нареченное «соборным» определение, возвратились восвояси, яко победители, уже никому необязанные давать оправданий за неправильное ими постановление во епископа Второго Антония и прочие незаконные его действия, а только имеющие право других прощать, ибо они в силу сего неправильного своего определения намеревались чрез какое-то прощение принимать к себе всех находящихся на стороне Московского духовного совета.

Но любящие истину православные христиане, увидев неправду и лукавство их, в подробном разборе обличили незаконность их опре-

деления и послали на рассмотрение митрополиту Кириллу и прочим всем членам, бывшим на оном Соборе. Члены Собора, уступившие насилью послам Второго Антония, с получения сего немедленно принесли о том свое раскаяние Московскому духовному совету. А при сем также и митрополит Кирилл, вскоре сознав свою ошибку, что он уже второй раз обманут от сторонников нового Антония, в 1869 году послал к ним от себя посланника, диакона Феодосия, дабы сей архипастырским его повелением убедил их на безотлагательное церковное примирение. Но сие предприятие его осталось безуспешным, ибо сторонники Второго Антония не только не примирились, но еще и самого оного посланника митрополита за отрицание подтвердить «Иисуса» за иного Бога сочли еретиком и к свиданию со Вторым Антонием не допустили. Поэтому и митрополиту Кириллу ясно видна стала неправда сторонников Второго Антония. А потому он, митрополит Кирилл, о всем, что в угоду их творил противозаконно, от 8 июня 1870 года чистосердечно раскаявшись, испросил в том себе прощение от всероссийского Освященного Собора и потом от 28 октября того же года Второму Антонию послал запрещение от всякого священнодействия, если он не восхощет примириться с Московским духовным советом. Но как Второй Антоний сему не покорился, то в следующем 1871 году, июня 5 дня, бывшим в митрополии Освященным Собором он подвергнут был конечному извержению от священного сана.

Но попратель священных правил и послушник церковной власти, сей Второй Антоний, несмотря и на этот духовный суд, продолжал мнимосвятительские действия, которые не ограничил поставлением только одних попов, но попустил до произведения даже и епископа, и к большому возмущению простосердечных христиан дерзал разрешать всех от архиепископа Антония и других духовных властей запрещенных попов, лишь бы кто к нему обратился. Конечно, таковое безграничное действие его всячески чуждо есть законоположению святой Церкви и свойственно только неограниченной гордости Римского Папы, который, так же не слушая суда извержения Восточной Церкви, и по сие время гремит ключами Царства Небесного на явную погибель им обольщаемых.

Но «*аще же и иных во еже созидати учинени есмы, — вещает святыи Златоуст, — не созидаящий, но и переее раздирающе, что не постраждут. <...> Ничтоже тако раздражает Бога, яко еже Церкви разделятися. Аще и безчисленная будем содеявшие благая, от иже тело его пресецающих не меньшую приимем казнь, ссецающе исполнение церковное*». И «*ниже мученическая кровь может сего загладити греха, рече. <...> Сия мною речена суть ко иже не разнственне вдающим себе Церковь раздирающим. Аще убо и догматы имут противныя, и сего ради не подобаше со оными смешатися. Аще же таяжде мудрствуют, много наче. <...> Что глаголеши: таяжде вера есть, православию суть и они. Чесо же ради не суть с нами? Един Господь, едина вера, едино крещение. Аще яже тех добре суть, то наша зле.*

аще же наша добре, то оных зле. <...> Непицуете ли сие довлеи, рцы ми, еже глаголати, яко православии суть, а яже рукоположения исчезают и погибают; и кая польза есть иных, сему не сушу опасу, якоже бо за веру, тако и за сие ратоватися подобает. Зане, аще всякому леть есть исполняти своя рцы по древних речению, и священниками быти, да приступают еси, туне жертвенник сей создан бысть, туне исполнение церковное, туне священников число. Да отыдем тая, и да растлим. Не буди, рече. Вы сия творите, и глаголете, не буди: како глаголеши, не буди; бываемым тым. <...> Сего ради пред глаголю и засвидетельствую, яко от еже в ересь впасти, еже Церковь раздрати не меньшее есть зло» (Бесед[ы] апостольс[кие], 11 нравоучение] на Посл[ание] ефес[янам]).

Итак, не явно ли суть, что сие грозное предосуждение прямо падает на Второго Антония и его руководителей и последователей за учиненный ими великий раскол Церкви Божией. Но обратимся еще и посмотрим, каковы должны следовать заключения особенности их убеждений; выше мы показывали, по каковому понятию явились противники Окружного послания, которые поставили себе другого епископа. А потому этот епископ их, то есть Второй Антоний, не обинуясь утверждал, чтобы исповедуемого в Грекороссийской церкви «Иисуса» Христа признавать иным Богом, то есть сыном погибели, последним антихристом.

И это предаде он всем своим ставленникам как догматическую тайну богословия, с тою именно целию, чтобы проповедию сею они отделяли своих последователей от именуемых ими окружников, и они теперь за сие так крепко стоят, что скорее отрекаются от иконы Христа Спасителя и Его святого Евангелия, нежели от одного своего убеждения. Нам не один раз приводилось не только с простыми людьми, но даже и со многими попами его беседовать, и когда по встрече упомянутой проповеди их спросишь: «Как же, если где на иконе будет изображено лице Христа Спасителя и надписано "Иисус" или написано Евангелие с таковым же начертанием Христова имени, то следует ли признавать сии иконы и Евангелие Христовыми?» Они на это так дерзновенно отвечают, что и от лица их сказать, думается, небезгрешно, аки бы таковая икона по 13 главе Апокалипсиса есть зверина или антихристова, а Евангелие сатанино или чертово. Если им возразишь, что таковая проповедь не истинна, но паче богохульна и святей Церкви чужда, то они, как бешеные, пришедши в зверское неистовство, осыплют тебя разными клеветами и несвойственными укоризнами так, что не оставят в себе даже и признаку той благопристойности, по которой можно бы было познать истинного христианина, а паче в самой точности напоянуть, что и на них исполняются глаголы преждеданные от апостол Господа нашего Иисуса Христа: «Яко в последнее время будут ругатели по своим похотех ходяще и нечестиих. Сии суть отделяюще себе (от единости веры, и суть) телесни, Духа (святого) не имуще» (Июд., зач. 78 и Петр., зач. 68).

Но что же действительно вышеозначенная проповедь их нечестива, сие по тому явно, что она не с пророческим, ни с евангельским, ни с апостольским учением не согласна.

С пророческим предсказанием она в том не согласна, что патриарх Иаков, именуемый Израиль, внук Авраамов, предсказал, что антихрист произойдет от племени Данова. Но Христос под наименованием «Иисус», исповедуемый Грекороссийскою церковью, родословится от колена Иудова, от него же предрече Иаков Христу Спасителю явиться, но никак не от Данова.

С евангельским же учением потому не согласна, что Христос не к языкам, но к непокоривым ему иудеям предрек, сице глаголя: «Аз приидох во имя Отца Моего и не приемлет Мене, аще ин приидет во имя свое того приемлет» (Иоан., зач. 17).

Но в Грекороссийской церкви «Иисус» исповедуется не о своем имени, но о имени Бога Отца пришедшим, и иудеи еще одного не принимают.

Также и апостольскому учению она противоречит, которое гласит тако о последнем антихристе: откроется человек беззакония, сын погибели и противник, превозносясь паче всякого глаголемого Бога или чтлища., и его же пришествие будет «по действию сатанину во всякой силе и знамениях и чудесах ложных» (2 Сол., зач. 275). В Грекороссийской же церкви имя «Иисус» хотя и новопринято во всеобщность, однако не само собою приходило, а от посторонних лиц вводилось, и то без всякой особенной сатанинской силы, знамений и чудес ложных, хотя бы по крайней мере таких, какие нередко видятся от волшебников и чародеев. Сверх же сего оно убеждение Второго Антония не согласно ни святой Церкви, ни даже его собственному состоянию. Святой Церкви потому, что она на обращающихся от Грекороссийской церкви принимает крещение и хиротонию без повторения; а его собственному положению в том, что он признает на себе священный сан, но священные правила хотя и определяют от еретиков принимать крещение и хиротонию, но не вообще от всех, а только от таких, которые по 1-му правилу Василия Великого еще не были чужды в Бога верою, крестились по 7 правилу Второго Вселенского Собора, иже во 2 главе состава а, у Матвея Правильника, «точно нам божественным крещением».

Напротив же, о еретиках, чуждых верою в Бога, постановляют, что крещение их неприятно (1 прав[ило] Василия Великого). «Ибо крещении от них не крещени и поставлении не причетницы» (Толкование] на 68 прав[ило] свят[ых] апост[олов]).

И аще кто епископ или пресвитер не повторит таковое «еретическое» крещение, то сицевый окончательно извергается от сана (святых апостол 46 и 47 прав[ила]). Наша же святая Церковь от приходящих в ее единство от церкви Грекороссийской и крещение и хиротонию принимает без повторения чрез одно миропомазание, то сим ясно доказывается, что первая не признает последней верующею во иного Бога

или сына погибели, последнего антихриста, ибо таковая вера непременно бы созналась совершенно чуждою от Бога истинного. А потому ни в каком случае нельзя бы было принимать от нее ни крещения, ни хиротонию за действительные. Но Второй Антоний со своими руководителями признают Грекороссийскую церковь верующей во иного Бога, «Иисуса»-антихриста, но крещение и хиротонию, совершаемые в ней, принимают без повторения за действительные. Итак, очевидно, что они по своим убеждениям принимают крещение инобожное, но таковое крещение несть крещение, но паче осквернение, вызывает Соборное изложение Филарета, патриарха Московского. Следовательно, за принятие сего крещения все именуемые их духовные лица должны сознаваться изверженными, по вышеуказанным 46 и 47 правилам святых апостол; а за принятие хиротонии, чрез которую только и на них теперь усвоено духовное именование, и еще должны быть признаны непоставленными самозванцами, по буквальному объяснению о сем Аристина во истолковании 78 правила святых апостол.

Но послушаем, как святая Церковь предосуждает непоставленных священнослужителей: *«Аще ли нещи... в толикое приидоша дерзновение, яко еже неверне и злочестивне: [неверие бо есть вещь таковая], еже кроме священства прияти хиротонию, священная действовати, несть слово рещи о осуждении сицевых, сие бо дело горше есть и самых тех нечестивых бесов во ангела светла, точию преобразующихся, но не сущих: и Божие убо лицемерующих, безбожных же сущих и противных Богу, таковыи не токмо велие и неисчетное томление подымут, на божественная сице зле возхуливше: ниже бо глас божественный от них, ниже божественная дела, понеже благодати рукоположения не имут, но и месть примут иную, за прельстившихся от них, или негде крещенных, или рукоположенных, сии бо не хиротонисани, ни крещени суть, ничтоже бо дает не имели, и ничтоже приемлет что, от неимущаго, аще и мнится имети. тем же и прельщен бысть, и веруяй быти священник, или крещен, несть, и погибели сих прельстивши повинен»* (Номокан[он], лист 715 при Болып[ом] потреб[нике]).

И так вот сколь грозное, столь же и ужасное предосуждение должно быть наградою убеждениям Второго Антония и его сторонников! Но они, жалкие, несмотря ни на какие несообразности, во оправдание свое говорят, что Грекороссийская церковь крестит не во «Иисуса»-антихриста, но во имя Отца, и Сына, и Святого Духа — Святой Троицы, и потому сие крещение может прииматься без повторения, а от которых еретиков крещение приимается, от тех и хиротония не отрывается. Против сего извета, конечно, не всяк им может возражать, а потому иногда простосердечные, не замечая у них самих к себе несогласия, легкомысленно соглашаются на их лжесловесие. Но утвержденные на Божественном Писании весьма замечательно обличают неосновательность сего их мнимого оправдания, во-первых, тем, что святое крещение совершается в тридневную смерть и воскресение

Исуса Христа, по учению святого апостола Павла, сице вещающего, яко *«елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся, спогребохомся Ему крещением в смерть, да яко же воста Христос от мертвых славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни ходити начнем»* (Рим., зач. 91).

Но смерть Исуса Христа в крещении изобразуется не троичным приглашением Отца и Сына и Святого Духа, но тремя погружениями, как о сем весьма определенно объясняет Никола Кавасила, архиепископ Фессалонитский, тако пишущий: «При крещении, что воспоминаем мы, как не домостроительство (то есть тридневную смерть и воскресение Христово), особенно сие. По истине, но не тем, что говорим, а тем, что делаем. Ибо когда человек, погружаясь трижды, возникает из воды, кто не видит, что сим указывает на тридневную смерть Спасителя и воскресение, что составляет конец всего домостроительства? Не напрасно, думаю, учение о Боге провозглашаем, а домостроительство в молчании показываем делами. Ибо одно было от начала и в познание людей приходит чрез голос, а другое совершено и было видимо для глаз людей и даже осязаемо руками. <...> Посему Троицу изображаем голосом, а страсть и смерть (Христову) пишем на теле водою» (2 слово жизни яже во Христе, стих 51 и 52).

По сему убо крещение без трех погружений, как не изобразивши тридневной смерти Исуса Христа, святым не почитается, как сие видится от следующих церковных предосуждений: «Проклинаю творящих развратно святое крещение, аще и во имя Отца и Сына и Святого Духа глаголют, но обаче крещают водою во едино крещение (сиречь погружение), а трижды не погружают, инии же токмо обливают водою» и проч., или «проклинаю скверное крещение их (еретиков лютеран) обливаемое, а не погружаемое по Господню образу иже во Иордане» и проч. (Потреб[ник] болып[ой], лист 597 на обор[оте] и 603 на обор[оте]).

Но Грекороссийская церковь тремя погружениями своего крещения изображает тридневную смерть по своему верованию «Иисуса» Христа, несомненная достоверность чего подтверждается тем, что она на крещении своем читает апостольские словеса с таковым выражением Христова имени: «Елицы во Христа "Иисуса" крестихомся, в смерть его крестихомся» и прочая.

Следовательно, никак нельзя говорить, что Грекороссийская церковь крещение совершает не во имя «Иисуса». Да сверх того и в троичном приглашении Отца и Сына и Святого Духа, под именем Сына Грекороссийская церковь исповедует тоже «Иисуса», как это доказывает читаемый на крещении до трех крат Символ веры ея, в коем о лице Сына исповедуется сице: «И во единого Господа "Иисуса" Христа Сына Божия» и пр. Итак, если изъявлением веры самого так крещаемого от Троицы приглашаемое во оном крещении лицо Сына именуется «Иисусом», то на каком же основании нам возможно будет отрицать, что оное крещение совершается не во имя «Иисуса»?

Не зная, что на это сказать, Второй Антоний и его сторонники иногда аки бы в защиту свою представляют то, что у еретиков ариан, по которому противу их словеси Афанасия Александрийского, вместо Христа был Арий, но крещение их за то, что еще с приглашением Отца и Сына и Святого Духа совершалось, принималось соборными правилами без повторения, равно и Грекороссийская церковь хотя вместо Христа и имеет иного «Иисуса», но за троечное приглашение Отца и Сына и Святого Духа крещение ее, также как и от ариан, возможно принимать без повторения...

Но им и на это понимающие здравым разумом Святое Писание возражают, что сравнение Грекороссийской церкви с еретиками арианами они против убеждений своих делают несправедливо. Поелику святыи Афанасий Великий не по верованию ариан сказал, что у них вместо Христа Арий, но только относительно одного наименования их, что они вместо христиан стали именоваться арианами.

Но что же касается до веры их, то, как Афанасий Великий, так равно и вся вообще святая Церковь обличали ариан только в том, что они хулили Сына Божия, именуя Его меньшим Отца и даже созданным и тварию. И если бы ариане меньшим Отца и созданным по времени именовали не сущего Сына Божия, но иного, то чрез сие не было бы хулы на Сына Божия, ибо, помимо Сына Божия и Духа Святого, из иного ничто ни в чем не может быть равно Отцу, потому что все создано и есть тварь. Но когда ариане за наименование Сына меньшим Отца, созданным и тварию обличались в хуле Сына Божия, то и становится весьма понятно, что они хотя и неблагочестно, но все-таки еще исповедовали того же Сына Божия и веровали во Святую Троицу, только что со отвержением ее единосущия, а потому и крещение их принималось без повторения; но ежели Грекороссийская церковь, по разуму Второго Антония и его сторонников, верует не в того же Бога, но во иного «Иисуса»-антихриста, то посему нельзя сравнивать заблуждение ея с заблуждением арианским. Да что говорю с арианским, мало будет точности, если приравнять оное и к заблуждению еретиков пепузиан, которые, как пишет Василий Великий, *на Святаго Духа хулу произносили, Монтану и Прискиле утешителя нарицание неприлично и безстыдно придававшие, того ради или яко людей боготворивши, осуждению подлежат, или яко Духу Святому соравнением с человеки досадивши и тако вечному осуждению повинни* (1 прав[ило] в полн[ых] труд[ах] и в Кормч[ей] с толкованиями] Валсам[она] и Зон[ары]).

И если пепузиане-еретики много заблуждали в том, что Монтану и Прискиле безстыдно наименование Духа Святого придавали, то не много ли паче должно и еще превзойти нечестие Грекороссийской церкви, если она, по разуму Второго Антония и его сторонников, наименование Христа Сына Божия относит ко иному Богу - «Иисусу», последнему антихристу, вопреки оного апостольского вопросоотрицания: *«Кое согласие Христу с велиаром»?* (2 Кор., зач. 182). Ибо здесь

обоготворение есть не просто человека, но с тем вместе и диавола, а также и досада Сыну Божию, лицу Святой Единосущной и Неразделимой Троицы, чрез соравнение с тем же диаволом, иже будет в последнем антихристе. Обаче же за крещение пепузиан так рассуждает Василий Великий: *«Какову имать вину крещение их судитесь крестящих во имя Отца и Сына в Монтана, или Прискилу»* (которых они разумели под наименованием Святого Духа). *«Ибо не крестяся в непреданная нам крестившийся»* (то же 1 прав[ило] в пол[ных] труд[ах] и Кормч[ая] с толкованиями] Валсамон[а] и Зонар[ы]).

А како «в непреданная нам» пепузиане крещаются, подробнее объясняет толкователь святых правил Зонар, тако вещая: *«... Ибо в непреданная нам крестившийся, сиречь во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, ниже мнятся крещены быти, како бо по преданию кафолическая церкви крещен бы был утешителя Монтана и Прискилу имеющий»* (Толкование] его на 1 прав[ило] Василия Великого). Но так как Монтан и Прискила, разумеваемые пепузианами под наименованием Святого Духа, будучи людьми, не могли участвовать во Святой Троице единосущного Божества, то и крещение пепузианское, бываемое хотя и во имя Отца и Сына и Святого Духа, не почиталось совершаемым во Святую Троицу, а признавалось паче только одним еретическим осквернением, по писанному: *«Где уже сквернии языцы крещающих в Монтана, Прискилу и Максимила, воистину ни едино тем оставление, но приложение грехов бывает»* (Толк[овое] Еванг[елие] на Вознесение Господне и Благов[ещение], зач. 114).

Здесь Максимила прибавлена потому, что она, по толкованию Аристина на 1 правило Василия Великого, будучи наложницею Монтана, также как и Прискила, которые обе от пепузиан за пророчиц, то есть содейственниц Святого Духа почитались.

Итак, если по разуму Второго Антония и его сторонников «Иисус», признаваемый Грекороссийскою церковью за Сына Божия, есть иный Бог-антихрист, то очевидно, он не может быть лицом Святой Троицы. А посему и крещение Грекороссийской церкви, несмотря ни на троечное приглашение Отца и Сына и Святого Духа и ни на троекратное погружение, никак уже не может быть святым и спасительным, а должно сознаваться не только одною скверною еретическою, но даже и тою печатию антихриста, за принятие которой, по блаженному Ипполиту, уже и покаяния несть, (но) всяко убо яве, яко погипе от Бога и от человек (Соб[орник] Больш[ой], лист 131 на обор[оте]).

Второй же Антоний и его сторонники, нисколько не смотря на то, какое по правилам здравого рассудка следует умозаключение их лжеучению, но только желая обвинить здравомыслящих православных христиан, называют их окружниками и напротив Окружного послания стараются убедить тем, что Грекороссийская церковь верует во иного Бога, «Иисуса»-антихриста, и при всем том опять и крещение, и хиротонию, совершаемые там, находят возможным принимать без повторения за правильные таинства, и это ими делается для того бо-

лее, чтобы не быть им отчужденным от неправильно присвояемого ими себе священного чина. И по сиевому убеждению их выходит, что и иной Бог, «Иисус»-антихрист, имеет дар оставления грехов и благодать освящения, равносильные Господу Иисусу Христу, истинному Богу нашему. И только теперь в этом и состоит все их мнимое благочестие или, вернее сказать, от века неслыханное нечестие и ужасное богохульство, чтобы последнего всезлобного антихриста и в дарах благодати сознать равным истинному Богу нашему. Итак, отсюда явно есть, что истинных христиан осуждать в ереси настоль же бедно и жестоко есть, как и противу рожна прати, по неложному свидетельству гласа Божия (Деян., зач. 21 и 29).

Обаче же несмотря на таковую очевидную опасность упоминаемый нами Второй Антоний решился без надлежащего раскаяния оставаться в ней до самой своей кончины, постигшей его в сентябре месяце 1876 года, и оставил предначатое им зло церковного разделения не только во одних полах, но даже и в наречении епископа. Ибо он на третье лето после учиненного ему окончательного от священного сана извержения, именно же в июне месяце 1873 года, поставил во епископа некоего Иосифа, с наименованием Нижегородского, который ныне и еще с большею рьяностью, чем Второй Антоний, продолжает раздирать единство Христовой Церкви. Ибо он также незаконно принимает попов, за прегнуснейшие мерзости правильно запрещенных от Московского духовного совета и даже окончательно изверженных соборне от всех благочестивых российских архипастырей, чему показанием и примером служат распопы: Измарагд, проживающий в Чернушинском женском скиту близ города Семенова Нижегородской губернии, и Захарий, бывший попом в Елесине, того же Семеновского уезда; и при том не обинуясь публично проповедует иного Бога в нарицании Христова имени «Иисус», еже во всеобдержное произношение в Велikorоссийской церкви нововведется со времен Московского патриарха Никона. А не бывших прежде согласных с таковым его лжеучением истинно благочестивых христиан определяет к своему раздору принимать третьим чином и на вопросы о причинах такового его действия отвечает, что он тако действует по благословию Кирилла, митрополита Белокриницкого, на что и представляет немогущим различать доброе от лукавого какую-то без числа и года митрополитову грамоту, писанную некогда к его предшественнику, Второму Антонию, чем и удастся ему не только в малозначительных провинциях развращать христиан простосердечных, но даже наводить на сомнение некоторых и в великом царствующем граде Москве.

Вследствие чего г. Антоний, архиепископ Московский, и был вынужден от 24 марта 1880 года сделать объяснение относительно противоречущих действий Кирилла, митрополита Белокриницкого, для депутатов московского христианского общества, которое и приводится здесь в буквальном точности, как могущее вполне обессилить лукавый извет Иосифа и показать, что никак не может оправдать его не-

правильных действий мнимое митрополита Кирилла благословение.

Вот объяснение архиепископа Антония:

В начале 1863 года Белокриницкий митрополит Кирилл, приехавши в Москву, решился издавать разные постановления и распоряжения для нашей древлероссийской Церкви, не только что без общего согласия российских епископов, но даже и против делаемых ему оными замечаний о его незаконностях.

Тогда бывшие из благочестивых российских епископов созерцателями таковой его противозаконности, заявив митрополиту Кириллу, что они никаких его единоличных распоряжений для российской Церкви законными признавать не могут впредь до обсуждения его действий большим Освященным Собором, сообщили сие к сведению и прочим всем благочестивым соепископам с приглашением их на общее о сем обсуждение. Почему и собрались в числе 9 всероссийские архипастыри и обсудили вкупе, что следует худо сделанное г. митрополитом Кириллом добре исправить, и, устроив все дела по определению священных правил, решились ради братской любви сперва просить на сие согласия и самого митрополита Кирилла, а если этого от него не последует, то обжалиться о сем его предместнику и за исповедание правой веры страдальцу — высокопреосвященнейшему митрополиту Амвросию.

Освященный Собор сей нарочито послал уполномоченных послов своих лично предложить сие прошение своим высшим архипастырям, которые в конце августа того же 1863 года, прибыв в Белокриницкую митрополию, просили от лица всего собора г. митрополита Кирилла на единодушное оному соизволение, но не видя в нем на это соизволение решимости, отправились по бывшему от Собора приказанию к митрополиту Амвросию в г. Цыль, на место его заточения, и, представившись к оному, объяснили, что строение иерархических дел святой древлеправославной Церкви смущается неосмотрительно противозаконными действиями г. Кирилла, митрополита Белокриницкого, и представили ему все деяния Освященного всероссийского Собора и просимось одного о надлежащем внушении митрополиту Кириллу, чтобы он впредь удерживался производить подобные в Церкви возмущения. Г. митрополит Амвросий не оставил сей жалобы Освященного Собора без внимания, но, рассмотрев все действия его и постановления и признав оные правильными и законными, подтвердил их своею грамотою к российскому Собору от 28 октября 1863 года. А митрополиту Кириллу за его противодействие Освященному Собору от того же 28 октября весьма претительно писал следующее: Собор российских епископов просил вас, «чтобы вы противу всех епископов не ратовали, а вы на это не обращаете должного внимания и делаете напротив всего Собора! и не признаете себя виновным, и не хотите соединиться со всеми епископами, которые все во единомыслии и согласии. И что Собором сделали кому какие определения, на то и свое согласие изъявляю и удостоверяю, что все сделано Собором по правилам святых

отец, того никто не может опровергнуть. А кто будет на сие дерзать и попираť священные каноны, и делать церковное возмущение, тому не точию извержением претят соборные правила, но и проклятию предают... А посему и предписываю тебе окончательно, если ты не признаешь себя во всем вышесказанном виновным и не принесешь раскаяния Освященному Собору, которое должен вручить сим же посланникам, и не соединишься во единомыслие со всеми епископами, то вы никак не можете священнодействовать. И аз, смиренный Амвросий митрополит, гласом Церкви запрещаю тебе: не касатися до всякого священнодействия... и наконец, аще послушаете моего смирения и исполните вам все предлагаемое, то да будет мое благословение на вас. Аще же не послушаете меня и будете противу сего что действовать и кто будет делать церковное возмущение, да не будет моего благословения на тех и да будут от меня прокляты, аминь».

Такое предписание г. Амвросия митрополиту Кириллу хотя сперва и весьма не понравилось, но потом, обличаемый совестью, он и сам пришел к полному сознанию его законности, которую 28 сентября 1864 года на Соборе, бывшем у него в митрополии, из трех, кроме его, архиереев, 2-х архимандритов и 11 прочих священных лиц и 55 с разных христианских обществ депутатов, торжественно с подтверждением всего Собора известительною грамотою своею ко всей древлеправославной Церкви присвидетельствовал, сие глаголя: «Все распоряжения и постановления (российского Освященного Собора 1863 года), яко основанные на божественных и священных канонах, подтверждаю и укрепляю в точной силе, яко же утверди их блаженной памяти предшественник мой и по вере страдалец высокопреосвященный митрополит Амвросий, и пребываю с ним в совершенном единомыслии» (6 пункт). И в заключении сей писал тако: «Аще кто отныне из духовных или мирских человек будет чинить раздор и возмущение против нашего смирения и боголюбивых епископов, то есть опровергать заключенный между нами нынешний церковный мир и тем раздирать Церковь Христову, таковой яко ратник и яко гнил и непотребен уд да отсечется от единения святой Церкви, и да будет анафема проклят».

После же сего митрополит Кирилл, по простоте и слабости характера своего и по разным обольщениям лукавых человек, хотя и не мог соблюсти сей так крепко утвержденный им с боголюбивыми епископами мир, но и паки уклонялся в противные им и священным канонам действия. Но тогда он уже явно подпал трегубому предосуждению, во-первых, от определения священных правил, которые им попирались, потом запрещению и клятве предместника своего митрополита Амвросия и, наконец, собственному проклятию и анафеме. И под таковым треволнением все производимые им иерархические распоряжения не могли быть действительными.

Впрочем, митрополит Кирилл хотя еще и утомлялся сим около четырех лет, однако же совесть его не была спокойна, он сознавал

тяжесть одержавшей оного бури и искал из нее исхода, но только скоро не находил оного по смущению его хитростию лукавых человек. Но когда Бог дал ему освободиться худой обстановки, он решился учинить за свое нарушение мира с Собором боголюбивых епископов чистосердечное раскаяние, которое он писал от 8 июня 1870 года чрез наше смирение всему нашему Освященному Собору в таковых выражениях:

«Ныне аз, смиренный митрополит Кирилл, смиренно приклоняю мою престарелую главу, прошу и молю всех вас, держащихся истинного учения боголюбивых архиепископов и епископов, купно же и весь Освященный Собор, елико аз в ведении и неведении согреших по смущенным обстоятельствам (мимо шедшего седмилетнего времени) напротив вас и священных правил, Христа ради меня чистосердечно простите и от запрещения разрешите и никакого гнева на мя не держите. Но паче о здравии и спасении моем Бога молитесь, яко да и сами вы получите прощение и милость от Господа Бога в сем веке и в будущем. Равно же и с нашей стороны, елико кому из вас во оное смущенное время, когда были издаваемы каковыя запрещения... то для успокоения совести всех христиан, сим препосылается вам наше прощение, мир Божий и архипастырское благословение».

Это писал митрополит тоже не единолично, но при свидетельстве своего наместника Антония, архиепископа Формосского, и всего собора своей митрополии, и здесь на себе он сознал запрещение то самое, которое за противодействие его Освященному Собору боголюбивых епископов от 28 октября 1863 года положено ему гласом Церкви от митрополита Амвросия.

Итак, если по суждению, согласному определению священных правил митрополита Амвросия, которое даже и самим митрополитом Кириллом дважды соборно сознавалось быть правильным и законным, все действия последнего, противные нашему Священному Собору, с 28 октября 1863 года и до 8 июня 1870 года были под запрещением оному священнодействий, то становится очевидно, что поставление второго Московского епископа Антония, бывшее от митрополита Кирилла вопреки нашему Освященному Собору во июле 1864 г., было уже под правильным митрополиту Кириллу запрещением, а потому и не имело законного совершенства.

В таком случае если и была возможность как-либо исправить оное до надлежащей законной силы его, то это право принадлежало уже не митрополиту Кириллу, но опять — только одному нашему Освященному Собору.

Так это сознавал, наконец, уже и сам митрополит Кирилл. Ибо когда он пришел в чувство последнего самосознания и, раскаявшись, получил прощение от нашего Освященного Собора за свое сопротивление оному, тогда он побуждал к таковому же исправлению и Второго епископа Антония, именно же от 28 октября того же 1870 года он предписывал ему, чтобы он за неотменное потщался от нашего Освя-

шенного Собора испросить себе мир и прощение. А за неисполнение им сего предписания митрополит Кирилл воспрещал ему всякое священнодействие. Но когда Второй Антоний этого предписания его не исполнил, то митрополит Кирилл от 5 июня 1871 года, при участии бывшего у него в митрополии Освященного Собора в числе трех архиепископов и многих других священных лиц, подверг его, второго Московского епископа Антония, окончательному от священного сана извержению, какового духовного суда Второму Антонию митрополит Кирилл потом уже не изменял до самой кончины своей, последовавшей ему 3 декабря 1873 года.

Второй же Антоний и этому законному суду не подчинился, но и потом продолжал все святительское действовать. И во июне 1873 года поставил в Нижегородского епископа Иосифа.

Итак, из предложенного объяснения видно, что как Антоний, второй Московский епископ, хиротонисан от митрополита Кирилла, состоящего под запрещением поставленного его митрополита Амвросия, так и Иосиф, Нижегородский епископ, поставился от второго Московского епископа Антония, бывшего уже не только под единым запрещением, но даже и окончательным извержением священного сана от поставившего его митрополита Кирилла.

А потому для признания в своем сане и достоинстве епископа Иосифа без всякого с его стороны сознания своего противозаконного (действия) в его рукоположителе представляется для нас вопрос, требующий серьезного обсуждения, как должно относиться к вышеобъясненным духовным связаниям преставлявшихся во блаженной памяти митрополитов Амвросия и Кирилла?

Ибо отметить от правильных действий и законных духовных судов сих скончавшихся во исповедании нашей благочестивой веры митрополитов — не будет ли значить, что чрез сие отметить яже и от Самого Христа, по реченному Им ко ученикам Своим: «...а *отметайся вас. Мене отмечается, а отметайся Мене, отмечается и пославшаго Мя*» (Лук., зач. 51)?

Но если извести на среду нашу веру, что в правильных действиях их вполне действовала оставленная Христом Своей Церкви чрез святых апостолов Его сия благодать: «*Елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси; и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесах*» (Матф., зач. 75).

И паки: «*Им же отпустите грехи, отпустятся им, и им же держите держатся*» (Иоан., зач. 65).

То спрашивается, чем будет возможно оправдать Иосифа епископа, когда он не только что сам не сознает надлежащей силы в духовном суде извержения Второму Антонию, но еще и сознающих сие законным намеревается принимать чрез какое-то проклятие ересей третьим чином?

// История другопреемства древлеправославного священства от лет патриарха Иосифа до лет митрополита Амвросия (1877)

Предисловие

Да не позазрит никто от православных христиан нам яко дерзновенным начавшим писать то, яже мимо идоша и вспять никогда не возвратится. На сие бо прощением многих братии убежден бых, // иже желаю знать, что святая Христова Церковь во многолетнее л. 2
вдовство свое без православного епископства не лишилась ли уже^{об} совсем и священства православного. А потому за любовь ко оным и вынудихомся по мере сил наших написать за период небытия епископов православных другопреемство священства православного, продолжающееся чиноприятием второго чина от церкви Грекороссийской приходящих к древнему святоцерковному благочестию. И паки да никто же пои//щет от нас всеконечной о каждом священнике, кий л. 3
откуда прииде, и в коем именно поживе месте, и в какие именно годы приися, и в кои скончася; ибо таковой точности не точию мы, но ниже древние историки всегда наблюдать можаху, и во особенности когда давно прошедшее описоваху время. Обаче же да весть всяк добросердечный, яко и мы описывать покусихомся уже за два столетия протекшее время при зело скудных источниках // сведений, именно л. 3
же материалы для нашего описания служили токмо:^{об}

1. Реестр священников ветковских от времени священноинока Федосия до священноинока схимника Михаила из кратчайшего начертания «Истории ветковской церкви», написанного воспитанником старообрядческих стародубских монастырей и тщательным исследователем церковных историй благовейнейшим христианином Иларионом Георгиевичем.

2. «Разглагольствие, или // Беседословие старообрядца с новообряд- л. 4
цем», написанное нашим предком в лето 7292 от мироздания.

3. Надписи памятников, лежащих на гробах священнических в Москве на Рогожском кладбище.